

Ханс
 Кирст

Richard Sorge

Frankfurter

ung.

新開名義
社名ハ
所宅日名
リヤトゾルゲ
一八九五年四月
東京市麻布区
東京市麻布区
フランクフルト
ツ

ЖИЗНЬ И ГИБЕЛЬ
ВЕЛИКОГО РАЗВЕДЧИКА В ЯПОНИИ

ВОРТЕ
КОТОРОГО МЫ НЕ ЗНАЛИ

Ханс Хельмут Кирст

**Зорге, которого мы не знали.
Жизнь и гибель великого
разведчика в Японии**

«Центрполиграф»

1955

УДК 355.40
ББК 67.401.212

Кирст Х.

Зорге, которого мы не знали. Жизнь и гибель великого разведчика в Японии / Х. Кирст — «Центрполиграф», 1955

ISBN 978-5-9524-5861-1

Книга известного немецкого прозаика Х. Х. Кирста выделяется из почти шести десятков произведений, посвященных Рихарду Зорге. Опираясь на документальные материалы, автор нарисовал образ не твердолобого коммуниста, не супершпиона и не героя-великомученика, каким представляли нам прежде Зорге, а человека, наделенного свойственными обыкновенным людям слабостями и недостатками. Он отнюдь не отличался ангельским характером, час то и крепко выпивал, страстно любил женщин, чрезмерно грубо вел себя с членами своей разведгруппы. Но никто не может оспорить того факта, что Рамзай-Зорге был выдающейся личностью. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355.40
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-9524-5861-1

© Кирст Х., 1955
© Центрполиграф, 1955

Содержание

Три подвига Рамзая	6
Посланец разведцентра	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ханс Хельмут Кирст
Зорге, которого мы не знали. Жизнь и
гибель великого разведчика в Японии

Hans Hellmut Kirst

DIE LETZTE KARTE SPIELT DER TOD

© Перевод, «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

* * *

Три подвига Рамзая

Со шпионажем можно мириться, если им занимаются люди чести.

Шарль Луи Монтескье, французский просветитель XVIII века

Когда началась моя служба в центральном аппарате советской внешней разведки, а это случилось в марте 1944 года, я ничего не слышал о Рихарде Зорге. Хотя в то время великий разведчик был еще жив и ожидал смерти в одиночке токийской тюрьмы Сугамо. То, что имя Зорге было окутано плотной завесой молчания даже в стенах Центра, казалось странным.

Правда, попал я в политическую разведку – Первое главное управление Наркомата государственной безопасности, а Зорге числился по другому ведомству – Разведывательному управлению Генштаба Красной Армии. Но два родственных департамента не только конкурировали между собой. Они по-деловому контактировали, нередко помогали друг другу, их операции переплетались. Поэтому сотрудники с Лубянки были в курсе дел оперативников, работавших на Знаменке и Гоголевском бульваре, а те в свою очередь живо обсуждали проблемы братьев по оружию из ведомства госбезопасности.

И лишь спустя пять лет мне стало известно о судьбе узника Сугамо. Летом 1947 года я был зачислен в нелегальное управление Комитета информации (КИ) при Совете Министров СССР, а через некоторое время назначен начальником восточного отдела этого подразделения.

Сейчас мало кто помнит о таком секретном ведомстве, которое непосредственно подчинялось руководителю Советского государства И. В. Сталину. Это был мощный центр закордонной стратегической разведки, созданный в результате слияния Первого главного управления МГБ и Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных Сил СССР. Председателем КИ был назначен В. М. Молотов, его заместителями генерал-лейтенант П. В. Федотов (от МГБ) и генерал-полковник Ф. Ф. Кузнецов (от ГРУ). Вопросы закордонной разведки были изъяты из компетенции министерств госбезопасности и обороны, что, замечу в скобках, им совершенно не понравилось.

По замыслу советских руководителей Комитет информации должен был противостоять Центральному разведывательному управлению США, которое создали за океаном в сентябре 1947 года. Кто кого копировал? Кому принадлежала пальма первенства? Скорее всего, идея возникла синхронно и в Москве, и в Вашингтоне: начавшаяся «холодная война», в которой секретные службы использовались в качестве главного оружия, заставила руководителей и Советского Союза, и Соединенных Штатов прийти к одному и тому же выводу.

Однако в отличие от США тогдашняя перестройка разведки не обеспечила у нас выполнение задач, которые перед нею ставились. Через два года маршалы потребовали вернуть военную разведслужбу в лоно Министерства обороны, что и было сделано. Статус комитета понизился: его подвели под «крышу» Министерства иностранных дел. А еще через пару лет КИ ликвидировали, и внешняя разведка снова перешла под эгиду Министерства госбезопасности.

А что же Зорге? После небольшого отступления возвращаюсь к главному предмету нашего разговора.

Итак, полсотни лет назад я смог ознакомиться с материалами дела на Рихарда Зорге, извлеченного из архива. Талантливый разведчик, способный журналист, прозорливый аналитик, тонкий политик, неординарная во всех отношениях личность... Таким предстал передо мной токийский резидент Рамзай – это конспиративный псевдоним Зорге (у него был и другой – Инсон) – с пыльных страниц совершенно секретного дела.

В удивительно короткий срок Зорге создал в Японии разветвленную и хорошо законспирированную разведывательную организацию. А условия, надо сказать, были труднейшие: полицейский режим в стране считался самым жестким в мире. Вот что сообщил Центру Зорге в одном из своих писем: «Трудность обстановки здесь состоит в том, что вообще не существует безопасности. Ни в какое время дня и ночи вы не гарантированы от полицейского вмешательства. В этом чрезвычайная трудность работы в данной стране, в этом причина того, что эта работа так держит в непрерывном напряжении и изнуряет».

И тем не менее уже летом 1934 года, всего через десять месяцев после приезда в Японию, Зорге регулярно передавал в Центр большое количество информации. Под его руководством работали две группы подпольщиков общей численностью в тридцать пять человек. Они – за исключением четырех – были японцами: журналисты, научные работники, деловые люди, чиновники. Все они – противники войны, старавшиеся помешать милитаристской клике толкнуть страну на гибельный путь. Около ста шестидесяти источников разведывательной информации использовал Рамзай. Среди них: премьер-министр принц Коноэ, министры, генералы, крупные промышленники. Ему удалось получить из посольства нацистской Германии в Токио важнейшие военные и политические сведения. Он стал руководителем Немецкого информационного бюро, фактически пресс-атташе посольства и самым близким другом и советником германского посла, генерал-майора Ойгена Отта, который делился с разведчиком важнейшими служебными и государственными тайнами.

В 1952 году в Лондоне вышла книга Чарльза Уиллоуби «Зорге – советский супершпион». Автор – генерал-майор армии США, с 1941-го по 1951 год начальник разведки штаба командующего американскими войсками на Тихом океане генерала Макартура. В своем документальном очерке он использовал материалы японской контрразведки, протоколы следствия и суда по делу Зорге, его собственноручные показания, захваченные американцами при оккупации Токио. Так что Уиллоуби прекрасно знал, о чем писал, и сведений из первых рук у него было предостаточно. И посмотрите, к какому выводу он пришел:

«Группа, руководимая блестящим, изобретательным разведчиком Рихардом Зорге, совершала поистине чудеса... В течение всех лет своей деятельности Зорге передал в Москву бесчисленное множество важных сообщений, каждое из которых подвергалось с его стороны скрупулезному анализу и тщательной проверке. Руководители советской разведки и Красной Армии всегда были в курсе всех планов японских и германских вооруженных сил».

Еще одна оценка. Это – один из корифеев секретной службы Вашингтона, в течение девяти лет возглавлявший Центральное разведывательное управление, Аллен Даллес в своих мемуарах «Искусство разведки»: «Основным достижением группы Зорге было предоставление Сталину в середине 1941 года определенных доказательств, что японцы не имели намерений нападать на Советский Союз и концентрировали свои усилия против Юго-Восточной Азии и района Тихого океана, то есть затевали тактику Перл-Харбора. Эта информация была равноценна многим дивизиям».

И наконец, своего рода коллективное – и, значит, максимально свободное от субъективных влияний – компетентное мнение из официальной справки военного ведомства США:

«Вероятно, никогда в истории не существовало столь смелой и успешной разведывательной организации. Начав с ничего в стране, в которой Зорге до этого никогда не бывал, он сумел развернуть всеобъемлющую и успешную разведывательную деятельность».

Что ж, американцы не кривили душой. Да и зачем им это было делать? Зорге действительно добился поразительных оперативных результатов. Напомню лишь некоторые из важных сообщений, направленных им в Центр.

Май-июнь 1939 года: информация о подготовке Германии к захвату Польши; нападение начнется в конце августа – начале сентября.

Февраль-апрель 1940 года: предупреждение о широкомасштабном наступлении немцев против Франции и Англии; после чего планируется нападение на Советский Союз (обратите внимание: директиву номер 21, получившую впоследствии название план «Барбаросса» – план агрессии против СССР, Гитлер подписал только в декабре 1940 года).

18 ноября 1940 года по радио: данные о проводимых Германией мерах по подготовке агрессии против СССР. 28 декабря подтверждение: «На германо-советской границе сосредоточено 80 немецких дивизий. Гитлер намерен оккупировать территорию по линии Харьков – Москва – Ленинград».

5 марта 1941 года специальным курьером: фотокопия телеграммы министра иностранных дел гитлеровского рейха Риббентропа послу в Токио Отту о том, что фюрер планирует вторжение в Россию на май. 21 мая по радио: «Прибывшие сюда представители Гитлера подтверждают: война начнется в конце мая. Германия сосредоточила против СССР 9 армий, состоящих из 150 дивизий».

20 мая 1941 года по радио: «Нападение на Советский Союз произойдет 20 июня; направление главного удара – на Москву».

31 мая 1941 года уточнение по радио: «22 июня Германия без объявления войны совершит нападение на Россию».

15 июня 1941 года еще одно подтверждение по радио: «Нападение произойдет на широком фронте на рассвете 22 июня».

3 июля 1941 года по радио: «Япония, несмотря на нажим гитлеровской Германии, пока не вступит в войну против СССР».

6 сентября 1941 года по радио: «Если Красная Армия сохранит боеспособность, нападения Японии вообще не последует. Намечается несколько мобилизаций, но их цель – пополнить Квантунскую армию для дальнейших военных действий в Китае. Все это означает, что в текущем году Япония на Дальнем Востоке не выступит».

Начало октября 1941 года по радио: «Если до 15 октября японское правительство не достигнет соглашения с США, Япония начнет на юге войну против Сингапура (то есть Великобритании. – В. Ч). Военные действия между Японией и Соединенными Штатами должны начаться в конце года».

Результаты действительно поражают. И достиг их Зорге не потому, что ему слишком часто улыбалось разведывательное счастье. И не потому, что Меркурий – этот универсальный бог, покровитель, как утверждали древние, не только торговцев, но и шпионов, – ворожил токийскому резиденту. Нет, Рихард Зорге не полагался на слепую удачу. Все это – плод напряженной, творческой работы. Именно творческой, ибо Зорге не только был человеком исключительной отваги и мужества, высокого интеллекта, глубоких и разносторонних знаний. Он являл собой новый тип разведчика – разведчика-мыслителя, разведчика-ученого. Он так глубоко знал Японию, настолько основательно изучил политику ее правящих кругов, экономику, культуру, психологию и характер японской нации, что точно прогнозировал действия правительства и командования вооруженных сил Страны восходящего солнца.

Успех резидентуры Рамзая обеспечила новаторская технология добычи и обработки разведывательной информации, которую придумал Зорге. Подавляющее большинство находившихся за рубежом нелегальных сотрудников советской секретной службы считали: главное – получить информацию и побыстрее направить ее в Центр – там разберутся! У Рамзая была другая схема: добыть сведения, проверить и перепроверить их, тщательно проанализировать, убедиться в достоверности и уж тогда сообщать в Москву. «Несомненно, – писал Зорге в своих собственноручных показаниях японскому следствию, – сам по себе сбор информации – дело важное, но я считал, что самое важное – умение проанализировать материал и дать ему оценку с общеполитической точки зрения. Я всегда серьезно воспринимал задания... но я считал не

менее важным выявлять... новые виды деятельности, новые вопросы, новую ситуацию, возникавшие в процессе выполнения задания, и докладывать обо всем этом».

Рамзай показал себя непревзойденным мастером конспирации. Вот почему его организации удалось почти восемь лет избегать разоблачения, несмотря на плотную слежку, которую японская контрразведка установила за ним и его сотрудниками-европейцами. Он водил шпионов за нос и непрерывно передавал в Центр важные сообщения. Обостряющаяся обстановка в мире и Японии не позволила сократить интенсивность радиообмена с Центром – этой «ахиллесовой пяты» любой резидентуры, что неизбежно должно было навести контрразведку на группу Рамзая. Так оно и случилось. Кольцо вокруг Зорге стягивалось все туже. И он знал об этом. Но ни на минуту не прерывал своей опаснейшей работы: информация должна поступать в Центр без перерыва – война была на пороге. Зорге вел себя как те солдаты-разведчики на фронте, которые вызывали огонь на себя, чтобы нанести удар по врагу. Он сохранял бодрость духа, стойкость и ясность мысли. Он поддерживал своих товарищей перед смертельной опасностью. Более того, в этот полный драматизма момент он сумел добыть сведения исключительной важности: Япония сосредоточивает силы для войны на Тихом океане и готовит нападение на базу американских военно-морских сил в Перл-Харборе на Гавайях.

Если бы не это, то Зорге, может быть, и удалось уцелеть. Но он пожертвовал собой, чтобы не только помочь выстоять советской столице, – информация Рамзая о том, что Япония не вступит в войну против СССР, сыграла немалую, если не главную роль в принятии Сталиным решения перебросить свежие, хорошо обученные дивизии с Дальнего Востока и Сибири под Москву. Как теперь выяснилось, Зорге поставил на карту собственную жизнь и своих помощников также и для того, чтобы помочь Соединенным Штатам, в которых он уже тогда определенно видел потенциального союзника СССР в борьбе против гитлеровской Германии.

Дошла ли чрезвычайной важности информация до Вашингтона? Поделится ли ею Кремль с Белым домом? Пока не обнаружено никаких документальных данных, подтверждающих это. Скорее всего – нет: в октябре-ноябре 1941 года состояние советско-американских отношений не позволяло Москве отважиться на такой шаг. Высказывают предположение: Зорге, мол, не спрашивая Центр, сам предупредил об этом американцев. Что ж, такое нельзя отменить с ходу. Возможности у него были: его ближайший помощник Бранко Вукелич, прикрывавшийся журналистской деятельностью и занимавший пост заместителя руководителя отделения французского информационного агентства Гавас в Токио, имел деловые контакты с американскими корреспондентами и дипломатами, среди которых наверняка были агенты и сотрудники разведывательных органов США. И сейчас вряд ли стоит винить Зорге в таких контактах. Наоборот, нужно отдать должное политической прозорливости Рамзая: он оказался дальновиднее тогдашних советских руководителей.

Ныне многие с негодованием задаются вопросом: почему командование Красной Армии и советское руководство не использовали своевременно точную, подробную, проверенную и перепроверенную информацию резидентуры Рамзая о сроках нападения фашистской Германии на СССР, о стратегических и оперативных планах немецкого командования? Ведь первые сведения о подготовке фашистской агрессии Рамзай радировал в Москву еще в апреле 1940 года (!) – за восемь месяцев до утверждения Гитлером плана «Барбаросса» и почти за год до 22 июня – трагической даты, когда гитлеровский вермахт¹ вторгся на землю нашей Родины. Все дело в том, что Зорге не доверяли. Не доверял Сталин, которому разведчик был известен. Сомневалось и руководство разведывательного управления Генштаба уже потому, что Рамзаю не верил «вождь народов», считая, что он двойной, да что там – даже тройной (!!) агент, кото-

---

¹ Вермахт – название вооруженных сил фашистской Германии в 1935–1945 гг.

рый, помимо советской, работает также на немецкую и американскую (или английскую) секретные службы.

Судите сами. Все важные донесения из Токио немедленно докладывались советскому диктатору. И вот что пишет в своих мемуарах «Воспоминания и размышления» маршал Г. Жуков, бывший перед войной начальником Генерального штаба Красной Армии. Он докладывал Сталину незадолго до начала гитлеровской агрессии свои материалы, и тот заметил: «Один человек передает нам очень важные сведения о замыслах гитлеровского правительства, однако на этот счет у нас имеются некоторые сомнения. Мы им не доверяем, потому что, по нашим данным, это двойник». Маршал высказывает вполне оправданное предположение: «Вероятно, он имел в виду Рихарда Зорге, о котором я узнал только после войны. Его фактически обвинили в том, что он работает и на нас, и на Гитлера... Сегодня настало время признать главную ошибку того времени, ставшую причиной и многих других: неверное прогнозирование возможных сроков нападения фашистских войск».

Этот случай, кстати сказать, ярко иллюстрирует и тот факт, что самая ценная и своевременная информация от надежнейшего разведчика рискует превратиться в никому не нужный архивный документ, если не будет достаточно глубоко осмыслена и использована для принятия соответствующих политических, военных и экономических решений высшими государственными инстанциями.

Достоинством исследователей уже стали полученные от Зорге телеграммы о готовящемся нападении на Советский Союз, на которых имеются высокие и высочайшие резолюции вроде такой: «В перечень сомнительных и дезинформирующих сообщений Рамзая» (начертано на радиограмме от 1 июня 1941 года рукой тогдашнего начальника разведывательного управления РККА генерал-лейтенанта Ф. Голикова. – *В. Ч.*) И это несмотря на то, что в распоряжении советских разведывательных органов имелись сообщения из других источников, в частности из берлинской резидентуры – Арвида Харнака – Харро Шульце-Бойзена и из парижской – Леопольда Треппера. И это при том, что донесения Зорге нередко основывались на информации, полученной из канцелярии Гитлера, а также из верховного главнокомандования вермахта.

Вообще-то объективно, если встать на позиции тридцатых – начала сороковых годов, если окунуться в атмосферу жизни советского общества того времени, можно понять настороженность иных сотрудников Центра к Зорге. К ним поступали, скажем, сведения из Германии, в которых он проходил как токийский агент Главного управления имперской безопасности, снабжавший нацистскую разведку первоклассной информацией. Об этом, в частности, можно прочесть в вышедших после войны мемуарах Вальтера Шелленберга², бывшего начальника VI (разведывательного) управления этого главка. Шеф гитлеровской политической разведки не выдумывал. Зорге действительно снабжал и германскую секретную службу, и дипломатическое ведомство рейха, и канцелярию национал-социалистской партии разнообразной разведывательной информацией о политике Токио, японо-немецких отношениях, деятельности немецкой колонии на Японских островах... Да иначе и быть не могло. Зорге должен был это делать. Ведь он прикрывался деятельностью немецкого журналиста, пресс-атташе германского посольства, личиной правоверного нациста. И нужно было вести себя соответственно, чтобы не быть разоблаченным, чтобы не провалить своих помощников, свою разведывательную организацию. В Центре знали это, но не все хотели понять, особенно после того, как Сталин в августе 1939-го пошел на мировую с Гитлером. Тогда вождем советского народа овладела навязчивая идея: германский фюрер старается избежать войны на два фронта, и, пока он воюет с западными демократиями, военной конфронтации с Советским Союзом не будет. Сам кремлевский властитель, прекрасно осведомленный о военно-экономических слабостях нашей державы, как

---

² Шелленберг Вальтер (1910–1952), бригадефюрер СС и генерал-майор полиции. В 1949 г. осужден военным трибуналом союзников как военный преступник к шести годам тюремного заключения. Умер в 1952 г. от рака печени.

огня боялся столкновения с мощным и отобилизованным нацистским рейхом и старался не дать ни малейшего повода германскому правительству для агрессии на Восток. Любые сведения о том, что немцы готовятся выступить против СССР, он рассматривал как дезинформацию западных держав, в первую очередь Великобритании: им, мол, выгодно было столкнуть Советский Союз с Германией, чтобы отвлечь от себя значительные силы вермахта и отвести от себя угрозу поражения.

Поэтому когда Зорге в самый разгар советско-германского флирта передал первое предупреждение о том, что Гитлер готовит нападение на Советский Союз, Сталин решительно отменил его. Поскольку Рамзай продолжал упрямо доказывать, что его сведения подтверждаются, и привел новые факты, диктатор зачислил своего токийского резидента в двойники: он-де работает на империалистическую разведку. Я не исключаю, что не все руководители разведупра разделяли подозрения Сталина, но перечить ему, конечно, не стали. Тем более в оперативном деле Зорге были зафиксированы контакты с немецкими, английскими, французскими, американскими специальными и дипломатическими службами, корреспондентами и деловыми людьми. А вообще раз вожь сказал, никто, понятно, послушаться не мог. В противном случае любой сотрудник советской разведки, независимо от должности и звания, рисковал головой.

Так гордость нашей секретной службы резидент Рамзай попал в число сомнительных и ненадежных. Мнение «вождя народов» дамокловым мечом висело над разведупром. Непосредственные руководители Зорге переносили оценку Сталина на свои отношения с разведчиком. Информация Рамзая не использовалась. Были вдвое сокращены и без того скромные ассигнования на работу токийской резидентны. Она отвлекалась на выполнение второстепенных заданий, бесконечные уточнения, проверки и перепроверки полученных ею материалов. В конце концов руководство разведупра приняло решение отозвать Зорге из Японии. Его информацию генерал Голиков перестал докладывать Сталину.

Зорге чувствовал, что вокруг него все туже сжимается не только удавка слежки японской контрразведки, но и кольцо подозрений Центра. Представляете, как ему было тяжело и обидно. Ну хорошо, пусть японцы ведут охоту – это в конце концов понятно и неизбежно. Но свои? За что?!

Как же реагировал Зорге на то, что его сообщения с исключительно важной военно-политической информацией оставлялись без внимания и отправлялись в архив? Он считал, что произошла какая-то чудовищная ошибка. Вот что вспоминает его ближайший помощник радист Макс Кристиансен-Клаузен: «Ведь мы еще за несколько месяцев до этого (нападения нацистской Германии на СССР. – В. Ч.) сообщали, что у границы Советского Союза сосредоточено по меньшей мере 150 дивизий и что война начнется в середине июня. Я пришел к Рихарду. Мы получили странную радиограмму – ее дословного содержания я уже не припоминаю, – в которой говорилось, что возможность нападения представляется Центру невероятной. Рихард был вне себя. Он вскочил, как всегда, когда сильно волновался, и воскликнул: «Это уж слишком!» Он прекрасно сознавал, какие огромные потери понесет Советский Союз, если своевременно не подготовится к отражению удара».

Зорге, безусловно, знал о сталинских репрессиях в Советском Союзе. О том, что они широко затронули командование Красной Армии, руководство советской разведки, многих оперативных работников, разведчиков-нелегалов. Ведь за рубежом, и в частности в Японии, о московских судебных процессах, тотальных чистках тогда писали много. Знал и о перебежчиках – крупных работниках советской разведки и контрразведки: Вальтере Кривицком – резиденте в Западной Европе, Александре Орлове – шефе советской агентурной сети в Испании, ушедших в Соединенные Штаты, и полномочном представителе НКВД по Дальнему Востоку комиссаре госбезопасности третьего ранга Генрихе Люшкове, переметнувшемся к японцам. И нельзя исключать, что у Зорге возникали мысли о том, что и ему не избежать трагической судьбы многих советских разведчиков, безжалостно расстрелянных или брошенных на дли-

тельные сроки в гулаговские лагеря, если бы он вернулся в Советский Союз. Ведь это факт, что Берия, ненавидевший крупнейшего советского разведчика, после его провала отыгрался на Екатерине Максимовой – жене Рихарда Зорге, которая осталась в Москве. Ее сослали в район Красноярска, где она погибла в 1944 году.

Но Рамзай продолжал честно выполнять свой долг. Он не встал в позу обиженного. Стиснув зубы, он продолжал работать с удвоенной энергией. Не верят? Он найдет новые доказательства, неоспоримые факты! Он заставит Центр поверить!

Жизнь скоро подтвердила правоту Рамзая. Нападение фашистской Германии на Советский Союз произошло в тот день и, можно сказать, даже час, о которых заранее информировал разведчик. И наступление развивалось по тем планам, о которых он своевременно докладывал в Центр. Руководство разведупра, а главное, сам Сталин вынуждены были признать: Рамзай оказался прав. Вот почему телеграммы, которые он посылал в Москву после 22 июня 1941 года, немедленно шли в ход. Вот почему его информация о том, что Япония не начнет войну против Советского Союза, легла в основу важнейшего решения о переброске свежих дальневосточных и сибирских дивизий под Москву. Рамзай мог торжествовать. Но величие этого выдающегося человека сказалось и в его скромности. Вот как он сам оценивал коллективный вклад своей разведывательной резидентуры (это было сказано уже в камере смертников): «Конечно, я не считаю, что мирные отношения между Японией и СССР сохранились только благодаря деятельности нашей группы. Однако она, несомненно, способствовала этому».

Сейчас с позиций нашего нового времени, когда мы уже многое узнали, можно без ложного пафоса сказать: Зорге одержал верх в противоборстве с японской контрразведкой. Но не только с ней. Он выстоял в войне нервов с аппаратом Центра, потрафлявшим бредовым идеям Сталина. Он не согнулся перед самим «великим кормчим».

Но Сталин был не той личностью, которая может забывать обиды. Он был вынужден смириться с Зорге, но простить ему не мог. Если бы не это, выдающийся разведчик нашего времени остался бы жив и разделил с нами незабываемую радость великой Победы.

Часто задают вопрос: можно ли было спасти Зорге? Ведь вызволили же советских разведчиков Джорджа Блейка, приговоренного британским судом к сорока двум годам тюремного заключения, и Хайнца Фельфе, получившего двенадцатилетний срок в ФРГ? Или же Рудольфа Абеля, отбывавшего пожизненное заключение в США, и Конона Молодого, который должен был провести в стенах английской тюрьмы четверть века?

На этот вопрос трудно сейчас дать определенный ответ. Еще не изучены досконально все материалы о Зорге. Некоторые документы пока не найдены. Не исследованы многие обстоятельства, связанные с его работой в Китае и Японии, с пребыванием в Германии и Советском Союзе. Но я считаю, что спасти нашего захваченного разведчика из токийских застенков можно было бы. Но никто ничего не предпринимал.

Глухо отмалчивалось наше посольство в Токио: оно и бровью не повело, хотя после провала точно выяснилось, что Зорге – советский гражданин. Да и сам он не скрывал этого – куда деваться против неоспоримых фактов и неопровержимых доказательств: очевидное не скроешь! Насколько сейчас известно, ничего не предпринималось советской стороной и по неофициальным каналам, напрямую или через третьи страны. Ведь при желании и старании можно было бы организовать обмен Зорге и его ближайших помощников – Вукелича, Макса и Анну Кристиансен-Клаузен на японских агентов, провалившихся в Советском Союзе и находившихся там в заключении. Да и японцы, похоже, этого ждали: они два с лишним года не приводили в исполнение смертный приговор, вынесенный Рамзаю.

Но, повторяю, ничего не было сделано. И вывод может быть лишь один: Сталин не желал признавать разведчика, сделавшего столь много для нашей Родины. Он решил уничтожить Зорге руками палача тюрьмы Сугамо.

Методы разведывательной работы Зорге вызывают у зарубежных профессионалов разведывательного ремесла безмерное удивление. Но и огромное уважение. Рамзай и его помощники никогда не прибегали к насилию, шантажу, подкупу, диверсиям, террору и другим грязным приемам. Зато они широко использовали творческую выдумку, глубокий анализ, изобретательность, твердую дисциплину и безукоризненную конспирацию.

Руководил организацией человек великих качеств. Сейчас, в наше время прагматизма и цинизма, его называли бы фанатиком. Да, он не принадлежал самому себе. Он был коммунистом, отдавшим себя целиком делу служения партии. Он был беспредельно предан своей Родине – Советскому Союзу. Он был беззаветным борцом с фашизмом.

Не считите за банальную высокопарность, но иначе не скажешь: резидентура Рамзая вела смертельную войну с поджигателями войны. Разведчики, входившие в нее, не жалея себя, защищали социалистическое государство, как бы плохо сейчас о нем ни говорили. Тогда для них в России был настоящий социализм, а Советский Союз являл собой единственный оплот мира. И во всяком случае для нас и в те времена и ныне СССР был и есть одним и тем же Отечеством – иного не будет! И организация Зорге не жалела ничего, отстаивая это наше единственное Отечество.

Не за деньги и награды рисковали жизнью Рамзай и его соратники. Генерал Уиллоуби, этот повидавший виды ас американской разведки, с удивлением констатировал: «Это успешное достижение практически ничего не стоило Советскому Союзу. Они даже пытались сократить свои расходы и в 1940 году приказывали, чтобы часть доходов от Клаузена шла в организацию (радист Зорге в качестве прикрытия создал прибыльную фотофирму. – В. Ч.)... Одзаки, например, никогда не получал ни гроша для себя и фактически терпел убытки». А генерал Макартур, шеф Уиллоуби, был поражен той суммой, которую тратил на себя Зорге. «Мой водитель в Соединенных Штатах получает больше», – констатировал генерал.

Не удивляйтесь таким официальным данным: с 1937-го по 1941 год резидентура Рамзая получила из Центра 40 тысяч долларов, около 10 тысяч ежегодно. Действительно немного. Но хочу заверить, что организация Зорге не была единственным исключением. Так действовала в те времена, да и сейчас работает наша внешняя разведка – на принципе, так сказать, максимальной экономии. Я сам, например, находясь в сороковых – пятидесятых годах на службе в нелегальном подразделении, следуя полученным из Центра указаниям, таким образом старался организовать прикрытия для нелегалов, чтобы через некоторое время они могли приносить доход. Полученные средства шли на оперативные нужды. Не все всегда, конечно, получалось, но были и положительные результаты.

Читатели, получившие в последнее время всевозможные «достоверные» сведения от средств массовой информации о невероятных денежных расходах советской разведки (одни «откровения» экс-генерала КГБ О. Калугина чего стоят!), может быть, и отнесутся к моим словам с недоверием. Но мне, как говорится, терять нечего, карьеру не делать – что было, то было, а что есть, то есть.

В 1964 году рухнула стена молчания вокруг подвига Рихарда Зорге. Случилось это так, как и должно было произойти при тоталитарном режиме. Волонтаристское указание поступило с самого верха в результате произвольно сложившихся, спонтанных обстоятельств.

Рассказывают такое. Тогдашний советский лидер Н. С. Хрущев случайно попал на показ, конечно закрытый, всемирно известного кинофильма французского режиссера Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге?». Лента очень понравилась Никите Сергеевичу. Явившись утром на службу, он позвонил шефу разведки и спросил: знает ли тот Зорге? И получил ответ: да, был такой резидент в Токио.

– Так ведь это – герой! – вскричал импульсивный Первый секретарь ЦК КПСС. И пошло-поехало... Во всех советских газетах и журналах появились материалы о великом разведчике, его соратниках, родных и знакомых; воспоминания друзей и сослуживцев, приятелей из далекого детства, отрочества и юности. Затем все это повторилось в государствах советского блока, особенно в ГДР.

Резиденту Рамзаю посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Его помощники, погибшие и оставшиеся в живых, были награждены боевыми орденами. Справедливость восторжествовала. Поздно, конечно, но лучше поздно, чем никогда.

Известный немецкий исследователь секретных служб, доктор Юлиус Мадер, посвятивший два десятка лет изучению жизни и судьбы великого разведчика, написал большой документальный труд «Репортаж о докторе Зорге». В нем помещена самая полная библиография о резиденте Рамзае. Это более шести десятков книг, половина которых появилась с начала пятидесятых годов в США, ФРГ, Японии, Франции, Англии, а другая с середины шестидесятых в Советском Союзе и государствах Восточной Европы: небольшие и поверхностные брошюры и толстые фундаментальные труды; беллетризированные биографии, повести и романы, щедро нашпигованные выдумками и лживыми историями с фантастическими эпизодами.

Все эти произведения имели много недостатков, а главное, были написаны не объективно, авторы слишком уж идеологизировали и политизировали своего героя. Повальная болезнь эпохи «холодной войны». В книгах, изданных на Западе, Зорге почти обязательно наделялся не свойственными ему эгоистичными и анархистскими чертами. Его изображали грубым, деспотичным сверхчеловеком, циничным прожигателем жизни, изощренным авантюристом.

Надо сказать, что известному немецкому прозаику Хансу Хельмуту Кирсту, перу которого принадлежит эта книга, удалось избежать многих ошибок зарубежных авторов, создавших каждый в меру своих творческих способностей, совести, честности и социального заказа образ выдающегося разведчика. Но и он, к сожалению, наделил Зорге некоторыми чертами, которых у того не было. Иногда Кирст изображает резидента Рамзая нервным эгоистом, чрезмерно грубым, даже деспотичным по отношению к своим помощникам. Видимо, для того, чтобы больше возвысить своего героя, автор показал их трусливыми неврастениками, златолюбцами, пекущимися о спасении своей шкуры.

На самом деле это не так. Какой бы исключительной личностью ни был Зорге, в одиночку он не сделал бы и сотой доли того, что совершил для победы над фашизмом и милитаризмом.

Авторы в Советском Союзе и зависимых от него восточноевропейских государствах впадали в другую крайность. Они чересчур идеологизировали токийского резидента, изображали его эдаким «твердолобым» коммунистом-интернационалистом, поборником сверхпролетарской солидарности, без недостатков, ошибок, слабостей, сомнений, создав образ новоявленного святого-великомученика, в который ни один здравомыслящий человек не верит.

Как все это далеко от действительности! Конечно, Зорге был выдающейся личностью, наделенной исключительными качествами. Но он был и просто человеком, со свойственными обыкновенным людям слабостями и недостатками. Он, например, по свидетельству хорошо знавших его лиц, не прочь был выпить спиртного и себе в этом не отказывал. Он любил женщин, и у него их было много, как это кажется людям пуританского склада. Но факты есть факты: японская контрразведка зафиксировала, что Зорге за время пребывания в Японии – это восемь лет – встречался с тремя десятками представительниц прекрасного пола. Его за это осуждали. Я же убежден: он специально натягивал на себя личину донжуана, выпивохи, рубахи-парня, чтобы надежней прикрыть себя, чтобы как можно дольше выстоять в смертельной схватке с японскими контрразведчиками. Кто подумает, что человек таких «слабых качеств» может серьезно заниматься разведкой?

Зорге тоже ошибался и сомневался. И не один раз. Он исправил немало ошибок и преодолел много сомнений. Обо всем этом нужно знать, чтобы еще глубже понять величие его подвига.

Виталий Чернявский, полковник в отставке

Если бы союзникам были известны те сведения, которые Зорге передал в Москву за время войны, мировая история развивалась бы совершенно по-другому.

Генерал Уиллоуби

Я ни в чем не раскаиваюсь.

Рихард Зорге

Шпион, предающий Родину за деньги, является подонком и не заслуживает того, чтобы о нем говорили. Шпион же, собирающий в чужой стране сведения для своего правительства, патриот он или же искатель приключений, изображен в тысячах книг.

А вот шпион, действующий по своему внутреннему убеждению, руководствующийся собственной совестью, готовый пойти на смерть за идею, представляет собой феномен и заслуживает пристального внимания.

Одной из ключевых фигур этого удивительного явления следует считать доктора Рихарда Зорге. Но и он не исключение, а звено целой цепи, и, скорее всего, начальное. То, что произошло с ним, случилось позднее и с рядом других людей, среди которых можно назвать Тейлора Кента³, Алджера Хисса⁴, Нуна Мэя⁵, Клауса Фукса⁶, Бруно Понтекорво, Этель и Юлиуса Розенберг.

Деятельность их носила различный характер, основа же была общей. Они забыли значение слова «родина» и, оказавшись без отечества, почувствовали себя забытыми, непонятыми и отвергнутыми. Одни из них поверили в социалистические идеи и в схватке между Западом и Востоком встали на сторону Востока. Другие исходили из общечеловеческих идей и считали, что лучшим образом воплотят их в жизнь, если будут служить Советскому Союзу. Все это они совершали сознательно и абсолютно добровольно.

В немце Рихарде Зорге, который появился на свет четвертого октября 1895 года, нашли отражение все эти качества, являя собой классический пример того, на что способна решительная и самоотверженная личность.

---

³ Кент Тейлор – шифровальщик американского посольства в Лондоне, агент немецкой разведки в 1938–1940 гг.

⁴ Служба внешней разведки РФ не считает, что Хисс Алджер, видный американский дипломат, Понтекорво Бруно, известный физик-атомщик, и Розенберг Этель были агентами советской внешней разведки.

⁵ Мэй Нун Алан – видный британский физик-атомщик, сотрудничал с советской военной разведкой.

⁶ Фукс Клаус, видный немецкий физик-атомщик, и американский инженер Розенберг Юлиус (он и его жена Этель были казнены в 1953 г.) – агенты советской разведки. Но, как выяснилось позже, Розенберг не имел отношения к «атомному шпионажу», хотя американский суд приговорил его вместе с женой именно за это к высшей мере наказания.

Посланец разведцентра

– Вы можете списать Германию со счетов, – произнес мужчина.

При этом он попытался доверительно улыбнуться, что удалось ему с трудом. Тот, кто увидел бы его со стороны, не слыша сказанное им, мог бы полагать, что он сделал какое-то несущественное замечание.

– Ваша Германия находится в списке всемирной истории среди проигравших, – еще раз подчеркнул говоривший.

Он поковырял вилкой в своей тарелке и бросил взгляд на недопитую бутылку рома и пустой бокал, стоявший рядом.

Другой мужчина, сидевший за столом, взял бутылку и наполнил бокалы до краев. Приложив бокал к губам, он посмотрел на собеседника, который продолжал спокойно заниматься свиной ножкой. Затем осушил бокал жадными глотками.

– За труп, – с нажимом произнес он.

– Я знаю, – сказал мужчина, уделявший, казалось, все свое внимание еде, – что вы мне не верите. Вы просто не хотите мне верить. Вы излишне сентиментальный парень, Зорге.

Мужчина, названный Зорге, ничего не ответил, дав понять, что не считает необходимым отвечать на сказанное. Затем допил содержимое бутылки. Действие алкоголя на него было совершенно незаметно.

Его собеседник продолжал не торопясь заниматься едой. Потом закурил, положив коробок спичек на стол. Зорге взял его и стал вертеть в пальцах. Затем тоже закурил и сунул как бы невзначай коробок в свой карман.

– Токио не столь далек от Берлина, как это кажется по карте.

– Как бы то ни было, а мы мировая держава, – усмехнувшись, ответил Зорге и, подозревая хозяина, заказал еще бутылку рома.

– Коли он пришелся вам по вкусу, пожалуйста, – ответил хозяин, – сейчас принесу.

– Давай, давай, папа! – воскликнул Зорге голосом веселого гуляки, завсегдатая этого заведения.

Папа – владелец ресторана «Райнгольд» в Токио, известного немецкими блюдами и напитками: свиной ножкой с кислой капустой, берлинским светлым пивом с малиновым соком, сардельками и зайчатиной, – лично убрал лишнее со стола, протер его салфеткой и тут же принес новую бутылку рома, дружески подмигнув Зорге.

– Он принимает вас за приличного человека, Алекс, – произнес Зорге, наливая золотистый ром в бокалы.

Оба выпили молча.

Их столик занимал угол заведения и отделялся от общего зала деревянной перегородкой. В ресторане было еще мало посетителей. Около буфетной стойки сидела японская официантка, одетая по-немецки, перелистывая от скуки газету. Уличный шум слабо проникал в помещение.

– Нацисты не способны вести войну, – произнес Зорге. – Они просто спят, если станут вынашивать эту мысль.

– Они уже спятили, – спокойно ответил Алекс, произнеся это как нечто само собою разумеющееся, подобно утверждению, что после дождя улицы обычно мокрые.

Зорге знал, что дискутировать с Алексом бесполезно. У того не было ни склонности к этому, ни времени. Он слыл опытным оперативником, к тому же человеком, не тратившим попусту время на обсуждение вопросов, которые были для него ясны и понятны.

– Что нового в Мюнхене? – спросил Зорге.

Под Мюнхеном подразумевалась Москва. Алекс работал там в Четвертом управлении Генерального штаба Красной Армии, куда можно было пройти, миновав дюжину дверей и двух

часовых. Он выглядел как солидный служащий банка или государственного учреждения: грубые черты лица с добрыми светло-голубыми глазами моряка, совершившего не одно дальнее плавание.

– Никаких значительных новостей, – ответил мужчина, которого за рубежом друзья и сотрудники звали Алексом. В Красной Армии он занимал высокое положение, и его знал лично Сталин. – Следует, пожалуй, лишь упомянуть, что Вольфганг прекратил свою работу.

Зорге закурил, используя, однако, другой коробок спичек, а не тот, что только что спрятал в карман. При этом он внимательно разглядывал свои руки, которые, казалось, немного подрагивали.

Алекс тоже посмотрел на его едва заметно дрожавшие руки и просто сказал:

– Вы слишком много пьете, Зорге.

– Это мое дело, – резко ответил тот. – Разве вы оцениваете мою работу по моему образу жизни?

Алекс, ничего не ответив, тоже закурил. Затем положил коробок спичек, положенный Зорге на стол, себе в карман.

– Жив ли еще Вольфганг? – спросил Зорге.

– Вполне возможно, – буркнул Алекс.

– Имеются ли признаки того, что он заговорил?

– Пока еще нет. Тем не менее будьте более осторожны, чем прежде, Зорге. Встречайтесь со своими сотрудниками лишь в исключительных случаях. И меняйте места встреч и транспортные средства.

– Можете об этом не говорить, Алекс. Я ничего не забыл из того, чему научился у вас.

– Тем лучше, – ответил тот спокойно. – Ведь вы рискуете собственной головой. И не забывайте, что она у вас всего одна.

На лбу Зорге обозначились глубокие морщины. Сообщение о Вольфганге его взволновало. Не то чтобы он испугался, подобные известия приходили чуть ли не каждый день. Но Вольфганг делал то, что сам Зорге. И он, Вольфганг, был для Рихарда не просто товарищем, а другом, настоящим другом, которые редко встречались в жизни Зорге. В той области человеческой деятельности, где трудился Рихард, друзей вообще быть не могло, с чем приходилось считаться.

Вольфганг стал его другом задолго до того, как он начал заниматься делом, которое теперь заполняло всю его жизнь. Они вместе лежали в окопах Первой мировой войны. Вместе с ним он пробивался сквозь толпу, когда спартаковцы попытались овладеть Берлином. С Вольфгангом он вступил и в коммунистическую партию. Затем оба решили работать на Москву.

Однако сейчас с Вольфгангом прервалась связь. Следовательно, он попал в руки гестаповцев. А те уж постараются выжать из него все возможное. Прежде всего имени! В этом списке мог оказаться и он, доктор Рихард Зорге, в настоящее время корреспондент газеты «Франкфурте? цайтунг» в Токио.

– Думаю, что этого не произойдет, – произнес спокойно Алекс, будто бы прочитавший мысли Рихарда. – Но все же лучше быть готовым ко всему.

Алекс считал, что хорошо знает Зорге. Ведь он в течение долгих месяцев в Москве работал с ним, готовя Рихарда по всем правилам ремесла к предстоящей деятельности. Оба были упрямыми людьми. Зорге оказался самым трудным учеником Алекса, зато теперь он стал самым лучшим из его подопечных. Поэтому необходимо было предпринять все возможное, чтобы обезопасить токийского резидента.

– Каковы ваши требования и пожелания, Зорге? Рихард сделал усилие, чтобы не думать больше о Вольфганге. Видимо, тот уже мертв. Ничего другого он себе представить не мог, поскольку такой конец в их деятельности являлся вполне нормальным. Каждого в свое время съедят черви. Осушив бокал, Рихард подумал: «Прощай, Вольфганг!» – а вслух произнес:

– Мне нужна новая система связи, Алекс, здесь, в Токио. Контакты через Шанхай затруднительны и опасны.

– Принято, – ответил Алекс.

Зорге посмотрел на него удивленно, так как не ожидал немедленного согласия. Любого другого связника можно было бы уговорить довольно просто, но только не Алекса. Тот появлялся за рубежом не часто и не без особого на то основания.

– Кроме того, – продолжил Рихард, – предлагаю сократить использование курьеров и перейти в основном на радиосвязь.

– Согласен, – сказал Алекс.

– Более того, радиосеансы надо проводить по различным дням, в том числе и по воскресеньям, с трех часов дня до десяти часов утра по токийскому времени.

– Не возражаю, – ответил Алекс. – На этот режим перейдем через две недели, то есть с пятнадцатого сентября. Будем ждать ваших передач в течение первых пятнадцати минут каждого часа.

Все шло гладко, даже слишком гладко. Зорге собирался грызть гранит, так как его собеседник считался непреклонным человеком. В последний раз он виделся с ним шесть лет назад, в 1933 году, в Шанхае. Именно тогда Алекс поставил перед ним задачу перебраться в Японию – страну, язык которой Рихард не знал, никакого представления о ее жителях и истории не имел и в которой никогда до этого не бывал.

Что же теперь хотел Алекс?

Сидевший перед Зорге представитель московского разведцентра – мужчина с сильными руками, выглядевший не слишком интеллигентно – на самом деле владел шестью иностранными языками и был отличным организатором и гением конспирации.

– Знает ли ваш радист секретный код? – спросил он.

Зорге без промедления утвердительно ответил на вопрос и добавил:

– Это намного облегчает мою работу. Но может быть, у вас имеются какие-либо сомнения по этому поводу?

– не-е-т, – протянул Алекс. – Он хороший радист, но очень слаб в орфографии.

На лице Зорге появилась ухмылка, кустистые брови поднялись, губы сжались, но он ничего не сказал. И его глаза оставались серьезными.

– Если дело дойдет до войны... – начал после некоторой паузы Алекс.

– Они больше об этом болтают, – резко отреагировал Зорге. – А наделав в штаны, поднимут крик, чтобы как-то замаскировать вонь.

– Если дело дойдет до войны, – спокойно продолжил Алекс, – она распространится и на эти места. И Англия не останется в стороне, да и Америка будет в нее вовлечена.

– А Советский Союз?

– Советский Союз, – ответил Алекс, – единственная азиатская мировая держава. Второй здесь может стать Япония. Непосредственная же угроза для Советского Союза будет исходить из Германии. Поэтому мы и послали вас в Токио, Зорге!

– Я это знаю, – произнес Зорге, но предпочел не уточнять, что именно ему известно. Советскому Союзу необходим немецкий шпион в Токио. Но это говоря примитивно. В действительности же избранному им новому отечеству надо было иметь в Токио тайного представителя своих интересов, знающего образ мыслей и японцев, и немцев.

– Угроза Советскому Союзу со стороны Германии – абсолютное идиотство, – сказал Рихард.

– К сожалению, такие идиоты имеются, – возразил Алекс.

– А как же пакт о ненападении, заключенный между Германией и Советским Союзом?

– Его могут нарушить.

– И это учитывается?

– Вы что же думаете, ваша Германия на это не осмелится?

– Моя Германия! – воскликнул с возмущением Зорге.

Алекс скупно усмехнулся, потом продолжил:

– В спичечном коробке, который вы положили в свой карман, новые инструкции. Обстоятельно с ними ознакомьтесь, а завтра сразу же после четырех часов встретимся накоротке у главного почтамта. Если вы со всем согласны, держите в левой руке две газеты. Коли же у вас будут какие-либо возражения, придется встретиться еще раз.

– Я завтра там буду, – ответил Зорге, – и с двумя газетами в левой руке. Или вы ожидаете чего-то другого?

Алекс заулыбался и осмотрел ресторан, как будто увидел что-то веселое. И тут же спросил:

– Хватает ли вам денежных средств? Я готов их удвоить, если в этом есть необходимость.

Зорге, протянувший было руку за недопитым бокалом, ничего не ответил, обдумывая это предложение. Решив, что такая щедрость Центра еще больше свяжет ему руки, Зорге сказал:

– Спасибо, не надо.

– Ну и ладно, – произнес Алекс, подмигнув Зорге, и вновь склонился над тарелкой.

А тот, поднявшись, смотрел на него, своего учителя и соратника, с глубоким уважением и душевным трепетом, хотя не любил сантиментов.

Они обошлись без рукопожатий. Зорге лишь подумал: сколько пройдет лет до их новой встречи? И что к тому времени будет?

Подойдя к стойке, Зорге заплатил по своему счету: мужчина, случайно оказавшийся за его столиком, его не интересовал. Дружески ущипнув за подбородок официантку, он, не оглянувшись, вышел на улицу и смешался с толпой прохожих.

Навстречу ему попался продавец газет, привлекавший к себе внимание звоном бубенцов, висевших у него на поясе. Вручив ему десять сенов, Зорге тут же развернул свежеотпечатанную газету и просмотрел заголовки.

На первой странице крупными буквами было напечатано: «Немецкие войска вторглись в Польшу».

– Что за дураки! – воскликнул он, скомкал газету и бросил ее на дорогу. А потом наступил на нее ногой.

Шпионаж столь же стар, как мир. В древнейших документах человеческой истории можно найти напоминание о нем. Кажется, что без шпионов не обошлось ни одно военное столкновение еще более десяти тысяч лет тому назад.

Даже в Библии говорится об этом виде человеческой деятельности. Так, например, Иосиф, обвиняя своих братьев, восклицает: «Вы лазутчики и пришли сюда, чтобы уточнить, где страна наиболее открыта».

И в наши дни подобные разговоры между западными и восточными немцами, представителями коммунистической и националистической частей Китая, да и между американскими социалистами и маккартистами не являются редкостью.

А в Ветхом Завете записано, что Яхве дал совет Моисею направить лазутчиков в Ханаан. И тот лично подобрал агентов. Задание, которое он поставил перед ними три тысячи двести пятьдесят лет назад, классически просто и применяется до сих пор: разведка страны и коммуникаций, оценка военной мощи, сведения о настроениях среди населения, хозяйственно-экономический потенциал и выявление слабых мест в оборонительных сооружениях.

Иерихонская проститутка Раав, вне всякого сомнения, занималась шпионской деятельностью. Далила, выявившая слабости Самсона, была, по-видимому, первой шпионкой в бесконечной цепи ее последовательниц, которые добивались успеха, используя свои прелести, о

чем говорится в различных произведениях романтического толка. Но если у Моисея деятельность эта носила патриотический характер, то тут она превращается в сделку.

История Древнего Египта и Китая нестрит многочисленными примерами шпионажа. Александр Македонский⁷ внес большой вклад в его развитие. Сципион Африканский Старший⁸ приставил к слонам Ганнибала шпиона, который выяснил, что этих грозных животных можно было напугать громким шумом. Кресе⁹, современник Цезаря¹⁰, превзошел гестапо. Голая танцовщица Теодора, ставшая впоследствии византийской императрицей, являлась, по сути дела, Мата Хари своего времени. Чингисхан¹¹ создал разветвленную осведомительную службу, а Магомет¹² проявил себя гением контршпионажа.

Нет ни одного исторического трактата, претендующего на объективность, который обошел бы молчанием систему шпионажа и провокаций, организованного предательства и контршпионажа. Католическая церковь средневековья, Густав Адольф, Генрих VII, Фридрих Великий, Наполеон, Бисмарк – все они пользовались услугами шпионов, нередко с удивительным успехом.

Почти все люди, принимавшие участие в опасных играх за кулисами своего времени, будь то искатели приключений или патриоты, грязные шпики или продажные предатели, действовали, как правило, в одиночку. Только в наше время удалось заменить их целыми организациями, значительно расширив рамки агентурной деятельности и число людей, принимающих в ней участие.

Доктор Рихард Зорге был последним крупным разведчиком-одиночкой, хотя и входил в определенную организацию. По своей натуре он являлся скрытным и очень опасным дипломатом. Зорге считал, что сможет сам изменить мир.

Рихард амурничал с простыми горничными гостиницы «Империял». Их кукольные личики расплывались в улыбке при виде его, так как он вел себя с ними исключительно внимательно и радушно не в пример другим европейцам и американцам. Для него горничные были наподобие игрушек. С ними он на какое-то время забывал постоянное коварство окружающего мира.

Когда он появлялся в фойе гостиницы, разговоры замолкали. В баре срочно наводился порядок, а по знаку управляющего оркестр начинал играть венский вальс.

Вот и на этот раз управляющий услужливо спросил:

– Не присядете ли вы к стойке, господин доктор? Или же пройдете к господам из немецкого посольства? Справа от оркестра.

– Все так называемые господа из немецкого посольства, – громко ответил Зорге, – хорошо меня знают...

– Конечно, конечно, – поспешил согласиться с ним управляющий, знавший по опыту, что противоречить Зорге не следовало, так как он был эксцентричной личностью. В Токио хватало чудаковатых иностранцев, но таких, как Зорге, – ни одного.

---

⁷ Александр Македонский (Великий) (356–323 до н. э.) – царь Македонии, великий полководец древности. Создал крупнейшую мировую империю, которая распалась после его смерти.

⁸ Сципион Африканский Старший (ок. 235 – ок. 183 до н. э.) – римский полководец, во время 2-й Пунической войны разгромил войска карфагенского военачальника Ганнибала.

⁹ Красс (ок. 115-53 до н. э.) – римский полководец. В 71 г. до н. э. подавил восстание рабов под руководством Спартака.

¹⁰ Цезарь Гай Юлий (102 или 100-44 до н. э.) – римский диктатор. Убит сторонниками республики.

¹¹ Чингисхан (Тамуджин, Темучин) (ок. 1153–1227 н. э.) – основатель и великий хан Монгольской империи, организатор завоевательных походов против народов Азии и Восточной Европы.

¹² Магомет (Магомед, Мухаммед) (ок. 570–632 н. э.) – основатель ислама, с 630–631 г. – глава первого мусульманского теократического государства в Аравии, почитается как пророк.

На лице Рихарда появилось выражение, присущее центральному нападающему, собиравшемуся забить неотразимый гол. В японской столице о нем ходила дурная слава, которую он старался поддерживать, – слава грубияна, скандалиста и вообще курьезного человека.

Управляющий с облегчением заметил, что доктор Рихард Зорге, лучше других информированный иностранный корреспондент в Токио, у которого повсюду были собутыльники и друзья, сегодня был лишь слегка подшофе. Стало быть, скандала пока не будет.

– Позволю себе заметить, – любезно полушепотом обратился управляющий, – сейчас здесь находится госпожа Шварц, Мартина Шварц.

– Если бы ее звали Блау¹³, было бы гораздо лучше, – ответил Зорге.

Управляющий отреагировал на шутку смешком.

Зорге разглядывал присутствующих, словно это были экспонаты музея восковых фигур. В фойе гостиницы обычно собиралось все токийское, так называемое «высшее общество», состоявшее из деловых людей, дипломатов и журналистов, иностранцев и японцев, мужчин и женщин, фашистов, демократов и вечно нейтральных. У них было одно общее: они могли позволить себе платить за выпивку и закуски по высоким ценам «Империяла».

Зорге через все фойе направился в бар. Не доходя до стойки, он поднял два пальца правой руки. Бармен понял знак и тут же приготовил двойную порцию виски, которую Рихард выпил одним махом. Бармен снова наполнил стакан.

Зиберт, модный писатель из Франкфурта, приехавший в Японию, чтобы собрать материал для новой книги, подошел к Зорге. Он ценил журналиста не только как неисчерпаемый источник различных сведений о Японии и Дальнем Востоке, но и как личность. Зорге знал об этом и, не показывая, что это ему льстит, охотно помогал литератору.

– Что вы скажете об этом, Зорге? – спросил Зиберт.

– А что вы имеете в виду? Виски? У него не та температура, которая должна быть.

– Нет, речь идет о начале войны. Каковы ваши комментарии?

– Полагаю, что это настоящее безумие.

– Войны, – согласился Зиберт, – это всегда безумие.

Мужчина у стойки вмешался в их разговор:

– Не скажите! Главное, что они эффективное средство защиты интересов науки и государства.

Зиберт взглянул на незнакомца с удивлением, ибо, как тактичный человек, он не привык, чтобы кто-то бесцеремонно вступал с ним в разговор.

Зорге же, опорожнив стакан, презрительно посмотрел на нахала и не торопясь обратился к Зиберту:

– Вас, видимо, интересует, кто это вмешался в наш разговор?

– Я не слишком любопытен, – скромно заметил писатель.

– Этого наглеца, – громко продолжил Зорге, кажется, зовут Бранцем. Да-да, Августом Бранцем.

Он из персонала немецкого посольства, а по профессии – людоед. Присмотритесь к нему внимательно, Зиберт, это – атташе по вопросам полиции.

– Ну и хорошо, – ответил мирно Зиберт. В его глазах мелькнуло беспокойство.

Бранц подошел к ним вплотную и сказал:

– Не будем обсуждать здесь ваши манеры, Зорге. И все же хотел спросить: считаете ли вы безумием войну, начатую фюрером против Польши?

Зорге внимательно посмотрел на него и спокойно произнес:

– Нет.

– Мы далеки от этой мысли, – поддержал его Зиберт.

---

¹³ Игра слов: «шварц» – черная, «блау» – голубая.

– Хотел бы на это надеяться, – буркнул Бранц.

– Эту войну следует считать не безумием, а чем-то другим, – продолжил Зорге. – Представьте себе Германию и Польшу. Предположим: я – Германия! Просто в качестве примера, само собой разумеется. – Широкоплечий, мускулистый здоровяк выпрямился при этом и принял боксерскую стойку.

Бранц невольно отшатнулся.

– Итак, я – Германия и выхожу на улицу. Около гостиницы всегда ошиваются парнишки. Один из них – маленький, худенький и чахоточный – продает спички. Так вот, я подхожу к нему, бью его в подбородок и затем в живот, а когда он падает, прыгаю на него так, что хрустят косточки. Вот какова война с Польшей, Бранц. И нечего разглагольствовать о государственных интересах и национальной необходимости.

– Ладно, – примирительно произнес Зиберт и положил свою тонкую руку на плечо Зорге.

Полицейский атташе криво усмехнулся и сказал с нескрываемой угрозой:

– Поосторожней, Зорге. Вам тоже не все позволено.

– Что вы имеете в виду?! – резко спросил Рихард.

– Вы – немец и подпадаете под действие немецких законов. А немецкую полицию в Токио представляю я, господин Зорге.

У Зорге сузились глаза, брови угрожающе нахмурились, но он сдержался. Прошло несколько секунд. Вдруг он рассмеялся, схватил стакан виски, услужливо поставленный барменом, и опрокинул его содержимое в рот.

Бранц отвернулся. Он более не улыбался. Втянув голову, заказал себе выпивку. Голос его при этом звучал не очень уверенно.

– Пойдемте, – потянул Зиберт за руку Зорге, – присядем за столик. – И добавил: – Будьте осторожны. Ваши высказывания иногда весьма рискованны. Правда, здесь на них мало кто обратит внимание, но зачем давать полицейскому атташе пищу для размышлений?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.